

онѣ, въ чемъ дѣло, посадилъ меня противъ себя и, устремивъ свой взоръ на меня сквозь золотыя очки, началъ: „Сколько вамъ лѣтъ? чѣмъ занимаетесь? здоровы ли родители? живы ли? чѣмъ питались?“ На всѣ вопросы отвѣтъ былъ удовлетворительный, за исключеніемъ послѣдняго. Затѣмъ началось выстукиванье груди, прикладыванье уха къ ней, искусственный кашель и т. д. Предписавъ режимъ, докторъ запретилъ мнѣ работать и посоветовалъ уѣхать куда-нибудь за городъ для отдыха. Я поѣхалъ домой, пилъ тамъ парное молоко, часто ходилъ въ свой любимый сосновый лѣсъ, опять увлекался всѣмъ видѣннымъ тамъ... Сталъ бодрѣе по прежнему и, повидимому, совсѣмъ поправился.—Время прошло быстро; шесть недѣль пролетѣли какъ одинъ часъ... За то, что было съ моимъ карманомъ... хоть выворачивай его! Но родные—не чужіе: съ ихъ помощью я вернулся въ Петербургъ, захвативъ съ собой красавца ребенка, у котораго замѣтилъ талантъ. Скоро Эліасъ сталъ любимъ всѣми и мнѣ помогалъ уже въ барельефахъ на креслѣ Ивана Грознаго. Теперь онъ находится въ академіи художествъ, почти въ такомъ же періодѣ своей жизни, какою описываю по отношенію къ себѣ, только въ болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ опять не на радость. Въ это время классы уже должны были начаться; начальство академіи гнало меня вонъ съ моею работою—но куда? Да хоть на улицу. Опять хлопоты, умаливанья, упрашиванья.. Но, слава Богу, сердца тронуты. Мнѣ дали маленькую мастерскую на самомъ верху. Чего лучше! Я въ восторгѣ, но какъ перетаскать туда „Ивана Грознаго“? Были у меня еще золотые часы; снесъ ихъ въ ломбардъ, — дорога знакомая, тамъ они часто гостили. Получивъ двадцать рублей, нанялъ шестнадцать академическихъ служителей —каждому по рублю—отрѣзалъ отъ статуи самыя тяжелыя части глины (ужасно непріятная работа!), и „Ивана Грознаго“ понесли на рукахъ вверхъ по винтовой лѣстницѣ; правда, ему немного помяли бока, но что же дѣлать: гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ. Я былъ радъ, что онъ уже стоитъ на мѣстѣ и что могу опять работать.

Вначалѣ все шло хорошо, работа двигалась впередъ; правда, въ карманѣ дулъ еще сквозной вѣтеръ, но это было мнѣ привычно; гораздо вреднѣе былъ вѣтеръ, продувшій меня разъ ночью, когда я перебирался черезъ Неву. Пальто мое было не длинно, воротникъ не высокъ, я былъ плохо защищенъ отъ холода—на утро у меня захватило горло, потомъ начался жаръ, потомъ явился докторъ, компрессы и все, что этому сопутствуетъ. Про-